Сергей Каледин

Тахана мерказит [Главный автовокзал]

Сергей Каледин

Тахана мерказит
[Главный автовокзал]

1996

Каледин С.

Тахана мерказит [Главный автовокзал] / С. Каледин — 1996

© Каледин С., 1996

Содержание

1 5
2 7
3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Сергей Каледин
Тахана мерказит

1

Ну, перетеплился малость, что поделаешь. А с другой стороны, если как Мерцалова велела – в шортах да майке, – уж лучше совсем без порток, чтобы прямиком дурдом.

Так рассуждал Петр Иванович Васин, спускаясь трапу на летное поле аэродрома Бен-Гурион. Первое, он увидел за пределами аэродрома: пальмы натуральные, будто в Сочах. И жару увидел – марево над бетоном колыхалось, как прозрачный желей.

Одет Петр Иванович был по-солидному: черный костюм, джемпер, сорочка – с галстуком, разумеется, на голове шляпа. В одной руке плащ, в другой – портфель(пожрать на первое время, мыло, то-се…).

На транспортерной карусели уже крутились оба чемодана. Один деревянный, сработанный специально под плотницкий инструмент; второй обычный, фибровый там инструмент электрический: лобзик, рубанок, точило.

Мартин, дурак, все смеялся, зачем ты с собой такую тяжесть прешь, там все дадут. Дадут, куда кладут! Кто ж это, интересное дело, свой инструмент чужому человеку даст? Пришлось Мартина маленько осадить: ты в своей яме садишь и сиди, палочкой дирижерской маши, я тебя не учу. А в мое дело не суйся.

Петр Иванович подхватил чемоданы. На специальных столах шмонали багаж. Не у всех, на выборку. К Петру Ивановичу подошла девушка, блондиночка рыжеватенькая. На левой грудке у нее табличка на прищепке, написано не русскими буквами, но и не местными крючками, а, может, по-немецки. Петр Иванович все-таки разобрал имя – Сара.

– Это ваш багаж? – по-русски, но как-то чудно спросила девушка.

– Мой, – кивнул Петр Иванович.

– Вы уже посещали Израиль?

– Первый раз, Сарочка, – улыбнулся Петр Иванович, но, видать, рановато.

– С какой целью вы предприняли свой путь?

– У меня родственница есть непосредственно, сватья мне, Ирина Васильевна Мерцалова. По всему миру поет. Ей тут у вас один еврей, муж бывший, дом подарил. Она просила меня его взглянуть. Я сам-то строитель.

– Вы читали Тору?

– Тору?.. – опешил Петр Иванович. – Это Евангелие, что ли? Читал.

– Вы посещаете синагогу?

– Зачем она мне надо? В церковь хожу иной раз… Может вы не поняли… Я ж не в евреи приехал записываться. Я в гости. Русский я. В командировку как бы…

– Откройте ваш багаж.

Петр Иванович заволок оба чемодана на операционный стол и отомкнул деревянный.

– Зачем вам это? – строго спросила таможенница.

– Инструмент мой, – недоуменно пробормотал Петр Иванович и сразу, вспотел. – Я плотник….Таможенница не стала его слушать, подозвала уже на своем толстого дядьку, видать, начальника. – Плотницким инструментом толстый остался доволен, а на электрический – набычился.

– Кто компоновал ваш багаж? – чистым русским, без примесей, спросил он. – Через посредника или лично? – Сам собирал. – Зачем вы везете это в Израиль?

– Ты что, деваешься?! – Петр Иванович почувствовал острое желание слегонца заехать жиду в волосатое ухо. Он полез за папиросами, наткнулся на письмо Мартина по-английски, написанное на всякий случай для раильских властей. Таможенник заглянул в письмо. – Мерцалова – это кто?

– Мерцалову не знаешь?! Да она же у вас тут была! Вы ей премии сами надавали!.. – Релакс, – сказала Сара. – Спокойно. Отвечайте только на вопросы. Петр Иванович аккуратно поплевал на незажженную папиросу, замял для верности о ладонь и сунул в карман.

– Чего вы от меня хотите, черти? – пронес он потухшим голосом и присел по-плотничьи на корточки, считая разговор законченным. Теперь ментов ихних ждать, говорить без толку. А он еще в самолете выпил на халяву – могут и в трезвиловку засунуть… Постой, постой… Он встал, пошарил в пиджаке и протянул толстому фотку.

– Вот она.

На зарубежной фотографии мэр Тель-Авива вручал Ирине Мерцаловой пр. Она стояла возле белого рояля. Но самое главное было на обороте: «Желаю тебе, Петя, счастья в прекрасном Израиле. Ирина».

Толстый повертел фотку, только что не понюхал, вернул ее Петру Ивановичу, прижав руку к сердцу:

– Шабат Шолом! Наклюнулось было у Петра Ивановича желание развернуться: и улететь назад, благо билет на полгода безразмерный… Ладно! Он плюнул на мраморный пол, теранул по плевку черным, специально для Израиля купленным полу ботинком. Будем считать типа анекдота непосредственно!

Стеклянные непрозрачные двери бесшумно отворились. Петр Иванович вышел за пределы таможенной зоны. В Израиль!

Мог ли он подумать месяц назад, что окажется вдруг на этой ихней земле обетованной?..

2

Месяц назад перед участком номер один садового товарищества «Салют» притормозил, чиркнув нко посаженным брюхом по разбитой дороге, белый «Мерседес» народной артистки бывшего Союза Ирины: Васильевны Мерцаловой.

На бревнах, сваленных вдоль забора, сидел невеселый ханыга в меховой шапке с ушами и в синих милицейских галифе, Ирина Васильевна шагнула во Посреди участка возвышалось грандиозное сооружение. Строение до половины было выполнено красного кирпича, выше – сруб. Далеко, однако, сруб не ушел: три венца ощерялись поверху мощными кантами. Вокруг были навалены готовые к кладке бревна с выдолбленнымм пазами. Меж бревен блуждали куры, поклевывая опилки, нервно дергал башкой цветастый петух, недовольный появлением нового человека.

В углу, у забора, притулилась крохотная времянка, обитая драным рубероидом. На оторванной дверце холодильника «Север» был сервирован стол. Ирина Васильевна Подошла, заглянула в кастрюлю, вилкой поддела содержимое… Это оказался разваренный бычий хвост, опутанный водорослями петрушки. Окружали кастрюлю мутные стаканы, штук пять чесночин, две полубуханки черного хлеба я несколько яиц с прилипшим сором.

Рядом со столом, на земле, убранной щепой и завивающейся душистой стружкой, лежал сват Ирины Васильевны Петр Иванович Васин, Три года назад сын Петра Ивановича Игорь женился на дочери Ирины Васильевны Наташе. Знакомство их состоялось по вызову. Игорь работал врачом на «Скорой помощи». Ложный приступ аппендицита у Наташи оказался судьбоносным, и, как результат, Петр Иванович чохом – хоть и не сразу ладом – приобрел кучу родни. Оперную певицу с мировым именем, невестку, тоже певицу, но без имени, и внучку Машку – дочь Наташи от первого брака с молодым полузнаменитым балеруном. А также назревающего в настоящий момент во чреве невестки внука, однозначно обнаруженного неопасным рентгеном. Да еще свата, Мартина, дирижера музыкального. Его, правда, Ирина на Васильевна как неродного держала в черном теле – он и не высовывался.

Ирина Васильевна достала сумочки дымчатые очки на золотой цепочке, пригляделась к свату. Лежал Петр Иванович бескровно. Она выбрала яиц которое почище, отшелушила соломинку, расковыряла макушку и выпила.

– Курям кинь! – крикнул с бревна мужик в ушанке.

Ирина Васильевна послушно бросила скорлупу петуху под ноги и, обернувшись к ханыге, кивнула в сторону свата.

– Живой?

– Вчера освежались, – ответил тот и, помолчав, должил странно: – Просыпаюсь – ничего не слышу, посмотрю – ничего не вижу… Вот братан галифе подарил. Из милиции. Говорит, носи, Евгений, менты не загребут. Слушай, у меня комбикорм для курей кончился, давай на твоей машине в Глухово сгоняем, а? Пока он спит.

Ирина Васильевна не удивилась.

– У тебя ноги есть? – ласково спросила она своим знаменитым на весь мир контральто. – Ходить умеешь?

Мужик безропотно снялся с бревна и, придерживая рукой галифе, поплелся прочь.

Ирина Васильевна поддернула на коленях тесные джинсы, склонилась над распростертым родственником и пропела ему в ухо: – Вставать пора! Именинник! Царство небесное проспишь!

Петр Иванович зашевелился, оторвал голову от земли: – Не понял. – И снова уронил лицо в стружку.

Ирина Васильевна мотанула вокруг шеи длинные концы шарфа и направилась к «Мерседесу».

Сват между тем поднялся. Провел расщеперенными ладонями по распавшейся густой волосне и – порядок; какой тебе пьяница-пенсионер; спортсмен на параде пятидесятых годов. Одну за другой он принялся подымать с земли пустые бутылки – смотрел их на свет, переворачивал и снова кидал на землю. Гостью он не видел.

– Было, – убеждал он себя густым басом. – У, Женька, паразит!.. Забью, как муху на стекле!..

– С днем рождения, Петр Иванович! – укрощая голос, все равно раскатисто приветствовала свата Ирина Васильевна.

Петр Иванович мотанул похмельной головой, пытаясь стряхнуть наваждение: к нему направлялась Ирина Васильевна Мерцалова, держа на плече большую картонную коробку.

– Помоги, – она протянула коробку свату… – Дары-подарки.

Петр Иванович озадаченно напрягся.

– Ты как тут оказалась? Ничего не случилось? Сразу говори непосредственно.

– Все в порядке. Все живы-здоровы, просто в гости к тебе. Поздравить с днем рождения.

Петр Иванович поставил глухо звякнувшую нутри коробку на дверцу «Севера-6», силясь осмыслить ситуацию. Да, она, Мерцалова Ирина Васильевна, собственной персоной… Надо же! Года полтора морду воротила, не только зрить, слышать не хотела ни о каком Игоре, тем более Петре Ивановиче. Но и Наташка, даром что на вид фитюлька, с норовом девка оказалась. Год скрипела-терпела материно выкобенивание, а потом уперлась, и ни в какую. Это, мол, моя судьба теперь. И муж, и тесть, а для Машки он вдобавок еще и дед. Не принимаешь всех – нас с Машкой не принимаешь… Смирилась Ирина Васильевна – никуда не денешься, дочь дороже. Да и то то сказать; за год Машка так к новому деду прикипела водой не разольешь. Ну, и он к ней, старый дурак, сотвестственно. Больно уж ласковая девчонка оказалась. «Деда», – все, – «деда»… Каково родной бабке слышать такое на каждом слове? Познакомились, встретились, Раз, два… А там как-то само покатилось-поехало. Сроднились непосредственно, сами как не заметили. Своя баба оказалась Ирина Васильевна, несмотря что знаменитость, по всему миру песни распевает. Но чтоб вот так – сама, сюда к нему, на участок, – такого еще не случалось. Петр Иванович был озадачен, даже чуток растерян.

А Ирина Васильевна, словно не замечая растерянности свата, собирала уже стаканы, споласкивала их под рукомойником, ставила обратно на дверцу холодильника и безмятежно вела свой рассказ:

– …Мотаюсь с раннего утра. Сперва в консерваторию потом в т…

Петр Иванович выкопал – под ног чинарик и безуспешно пытался его запалить.

– …в театре устроила разнос, так, для острастки, профилактически. Совсем распустились. Трудовой коллектив, трудовой коллектив!.. Я вам покажу трудовой коллектив! Демократы вшивые! Ишь ты, забастовкой они грозятся!.. Я говорю директору: забастовку объявят – в шею гони!.. Что ты никак не прикуришь? Спичку ближе поднеси. – Она надела дымчатые очки. И сразу помолодела. – Без очков красивше, – отметил Петр Иванович хотя и постарше чуток. Ресницы-то у тебя! По очкам нутри шоркают. Не приклеенные?

Ирина Васильевна засмеялась, сняла очки.

– Подергай,

– И так вижу, – кивнул Петр Иванович. – И зубы тоже хорошие, – добавил он одобрительно. – Как у Борисовны. У Пугачевой.

– Сказал! – Ирина Васильевна обиженно дернула головой, свернутая в пучок коса упала на плечо. – Алка-то какого года? Да и у нее, небось, искусственные. Она ж косметических лечебниц не вылезает. То жир снимать, то еще чего. Молоденького себе завела!..

– Васильевна-а! – пробасил Петр Иванович. – Аллу Борисовну не замай. Я ее уважаю.

– Виски, джин, пиво… – хмуровато перечисляла Ирина Васильевна, выставляя дары на крышку холодильника. Похоже, сильно задело ее сравнение с Пугачевой. Достала коробки стеклянную банку, протянула хозяину. Петр Иванович подозрительно оглядел ее, поморщился.

– Это что за гады?

– Креветки очищенные, не смертельно. К пиву. Да сядь ты, не суетись.

– Ирина Васильевна потянула свата за карман брюк. – Ты ж именинник.

– Какие тут именины! Стройка вконец зае… Ладно, – отрезал Петр Иванович. – Гулять так гулять! – И свернул у джина крышку. – Будешь?

– Немножко, я за рулем… Ну, ты уж совсем, будто корвалол льешь – сорок капель… Вот та-ак. Не зовет сват, думаю, надо самой нагрянуть. За три года ни разу не пригласил!..

Петр Иванович промолчал. «Не пригласил!..» – хитра баба.

– Поехали, – Петр Иванович поднял стакан. – За все хорошее… Легко пошла, мягонькая, словно мышка… Как Там молодые-то, бываешь у них? Или, может, Игорь опять Чего… не в строчку? – не удержал-таки себя Петр Иванович, уколол.

– Оставь, Петя, проехали уже, – с досадой махнула рукой Ирина Васильевна. Но, помолчав, тоже не удержалось: – Конечно, я-то хотела, чтоб кто-нибудь наших – театр, музыка, балет…:; – У тебя уже один балет дома был, – проворчал Петр Иванович. – Завели дома пидора, как хорошо! А нормальный мужик, значит, врач, уже не подходит, не в строчку?

– Да подходит, подходит! Не заводись, сказала же. Сам знаешь – хороший парень, зря нос воротила. Прнаю. Нет, честно, Петь! Я даже не ожидала. И Наташка другая стала, не узнать. Это она ведь меня сегодня к тебе отправила. Поезжай, говорит, у деда сегодня день рождения, а он на даче застрял. Сюда, видно, не приедет. Проведай хоть, поздравь, приятно деду будет… А, Петь! Или, может, я не ко времени? – Ирина Васильевна засмеялась, довольная.

Петр Иванович встал, освежил стаканы.

– Ну, ладно, – проговорил он растроганно. – Поехали, За сказанное!.. За тебя, за молодых! – Он выпил, постоял несколько секунд с закрытыми глазами. Поправился непосредственно. – Ты чего ж на «Мерсе»? По нашим дорогам – джип в самый раз…

– Сперли джип. Мартин сигналацию забыл включить. Сейчас у всех угоняют. Уланову зимой остановили на шоссе, забрали машину. Чуть не замерзла старуха.

Петр Иванович выждал паузу уважения к знаменитой балерине, кашлянул для перебивки темы.

– А у меня к… слышала? Сожгли…

– Да я уж знаю, ребята сказали. Не повезло тебе, Петруша.

– А почему должно везти? Сам живешь, сам и вези… Главное, десять лет строил. Движок от «Волги». Авиационный охладитель масляного редуктора. Длина семь метров… Короче… Прям у пирса. Белым днем…

– Денег хотели?

Петр Иванович кивнул.

– Откуда у меня деньги? Был бы прикуп – жил бы в Сочах! Да и были бы, не дал!

Они помолчали.

– Так один и живешь, Петь? – Ирина Васильевна решила отвлечь свата от грустной темы, но переехала неудачно, тоже на невеселую.

– Да я вроде как, Васильевна, уже придолбился в одинаре-то. Хотя иной раз и скучновато, врать не стану… Ладно… Надо успех закрепить.

Ирина Васильевна накрыла свой стакан ладонью. Петр Иванович закрепил в одиночку, заел креветкой.

– Как Машка?

– Горюет, – вздохнула Ирина Васильевна. – Хомяк у нее сдох. Реву было,,.

– я ей петушка молодого подарю, – предложил Петр Иванович, – кукарекать будет…

Он влек кастрюли хвост, раздербанил его, кости кинул кошкам, похлебку – на плиту. Пока он кухарил, Ирина Васильевна зашла внутрь недостроенного дома Походила, вернулась.

– Небоскреб!.. Не справиться тебе, Петя, с ним. Нанял бы мужиков…

– Кого?! Женьку?.. – неожиданно разозлился Петр Иванович. – Рвань эту. Уж лучше я Машку подожду, Она говорит, погоди, дед, я вырасту – помогать тебе буду.

– А я все понять не могу, чего ее сюда тянет?.. У нас в Пахре дача с бассейном, а ее отсюда за уши не вытащишь, – Здесь природа живая: пруд, курочки, кот Полкан, Мурка с котятами… Андрюха вон, сторожа сын – жених,

– Петр Иванович мотнул головой в сторону калитки.

Ирина Васильевна обернулась. Возле забора стояло странное существо – лысое, толстое, с полуоткрытым ртом. Андрюха блаженно улыбался, катая на ладони пинг-понговый шарик, и помыкивал.

– Бабка его покойница, – продолжал Петр Иванович, помешивая варево,

– на участке у себя поебень-траву выращивала. Вроде жень-шеня, только наоборот – людей водить. Она Андрюху, бывало, на все лето дурдома брала. Хворостиной его стегала за непослушание. А как таблетку ему забудет дать, он на нее кидается: то доской, то зубом непосредственно. Озорной.

Поспел суп-кондей, Дымящееся варево Петр Иванович разлил по кружкам. Ирина Васильевна не совсем уверенно приняла свою порцию.

– До Чикаго-то долечу после него?..

Под ногами мяукнула пестрая полусиамская кошка с впалыми боками. Петр Иванович мельком взглянул на нее, Потом наклонился.

– Ну-ка, Ну-ка, Мурка, иди сюда… Так. Точно. Ощенилась утром непосредственно. Теперь все, Мура, хана тебе. В лес отвожу, на пенек ложу – разрубаю надвое: пусть бежит в разные стороны! Три раза в год! Никакого прокорма не хватит! Да плюс полушку сегодня обгадила, сучонка! Хотя это вроде Полкан…

– А где котята?..

– Котята!.. Дура она тебе! Попрятала. Знает, сучка, что пока слепые, я их запросто купну.

– Топишь?!

– Мя-мя-мя, – напомнил о себе Андрюха.

– Вот тебе и «мя-мя-мя», – Петр Иванович побарабанил ложкой в кружке, попробовал, не горячо ли, и протянул Андрюхе. – Ну, ступай. Отцу привет пионэрский. Кружку вернешь.

– А дом ты свой, Петя, никогда так и не достроишь, – задумчиво сказала Ирина Васильевна.

– Не дострою, – покорно согласился Петр Иванович.

– Вот что, Петр Иванович! У меня ведь к тебе разг – Ирина Васильевна решительно закрутила косу пучок и воткнула в голову костяную шпильку-рогатку. – Оставь-ка ты пока свою стройку века. Тебе денег надо заработать?

– Ну, надо.

– Так вот, ты знаешь – мой первый муж, отец Наташки был еврей…

– Знаю. Бывает.

– Странный у нас был брак, по молодости. Да и странный был товарищ. В университет пешком ходил туда – два часа, обратно – два, А по дороге думает работает. И дома спросишь его что-нибудь, а он: «Не мешай, Ирочка, запомни свою мысль, я думаю». Ученый, солнечные батареи все выдумывал. А у меня, с понимаешь, жнь совсем другая… Развелись. Ему, правда, ходу не давали. Не печатали, на симпозиумы не пускали. Когда мы развелись, он уехал в Израиль. Больше не женился. Живет один с экономкой. Ну вот – в прошлом году была я в Израиле на гастролях, он меня нашел и, представляешь, дом подарил! Дачу на озере. Я ему говорю: мне таких подарков, Наум, не надо, я сам богатая. Хочешь, запиши дачу на внучку. Так он взял

переписал на Машку… – Ирина Васильевна помолчала. Надо бы поглядеть, что там. Я не знаю, попаду еще когда в Израиль… У меня гастроли на два года вперед расписаны. И жару я не переношу, да и евреев, если честно, не очень-то. Съездил бы туда ты, Петь, а?.. Взглянул, что за дом. Может сделать что надо… И вообще там люди с хорошими руками нарасхват. Страну заодно посмотришь. Колыбель христианства… Ты в Бога-то веришь?

– Вот сподобился, – Петр Иванович достал кармана брюк бечевку с крестиком, надел на шею.

– В прошлом году вместе с Женькой крестились. С будуна пошли… Когда отдыхаю, – он кивнул на бутылку, – снимаю, грех как-никак.

– Вот и грехи свои замолишь. В Иерусалиме. Поедешь?

Петр Иванович выкопал в щепе бычок, раскурил.

– Там же все по-еврейски говорят.

– По-русски тоже.

Петр Иванович в раздумьи взял трущуюся о его штаны Мурку за голубой хвост и со словами «не мешай» кинул кошку за дрова.

– Петь! Мужик ты или нет?! – Ирина Васильевна пошла в наступление. – Съезди, помоги сватье, беспомощной, слабой женщине!.. – Она рассмеялась. – Поезжай, Петь! Отдохнешь, поглядишь, что за дом, может и подзаработаешь… Там хорошие руки в цене.

– В пустыню загнать хочешь?..

– Да, на озере у него дом! На Тивериадском озере. Где Иисус ходил. На яхте покатаешься. У Наума яхта с мотором.

– С мотором?..

– Ага. Да и мужик он хороший. Только старый очень и больной.

– Чем?

– Чем-чем. Тем самым. Только у стариков это все дольше тянется. Ладно, думай, а я разомнусь немножко.

Ирина Васильевна пошла по участку. Петр Иванович залюбовался ею. Тоже ведь под шестьдесят, а выступает – пава. Взгляд его сполз вн по ее статной фигуре и вдруг запнулся: за ажурным высоким башмачком что-то волочилось, как портянка худого солдатского сапога. Пригляделся: бинт эластичный.

– Ирина Васильевна, – окликнул он, не зная, как подступиться, – на левой ноге у тебя, не споткнись… – И подхваьил ведро – воды набрать якобы.

Ирина Васильевна поставила ногу на бревно, задрала брючину.

– Вот так, Петенька. Звезда, знаменитость. А ты постой тридцать лет у рояля. Булавки маленькой нет?

Петр Иванович нашел булавку и, присев на корточки, сам заколол бинт. И даже захотелось ему погладить больную ногу. Но не погладил.

Ирина Васильевна спустила брючину.

– Ну, поедешь?

Петр Иванович улыбнулся.

– А споешь мне?

– Что, сейчас?

– Непосредственно. А то ведь я здесь так тобой и не похвастался. Скажут, врет Васин с похмела…

Гори-и, гори-и… моя звезда!.

Председатель садового товарищества прервал подкормку смородины элитного сорта «Минай Хмырев» и замер с вонючим черпаком в руках.

– Это у кого ж радио в такую силу?! – крикнул он через забор сторожу.

– Васин развлекается, электру жгет. А ведь киловатт – сто двадцать целковых с августа… День рождения у него, вот и куролесит. Звезда-а любви… Звезда заветная-а!..

Председатель, заслушавшись, рассеянно пролил пенный раствор себе на ноги.

– Знаешь, кто поет?

– Мерцалова, – слегка обиделся сторож. – Ирина Мерцалова. У меня с ней пластинки есть…

– Погоди, дай послушать, Умру ли я, ты над могилою Гори-сияй, моя звезда-а!..

– В Большом театре выступает, – сказал сторож, – Мы с супругой еще на балет с ней ходили.

– На оперу, – поправил председатель задумчиво.

Накидано, насоломлено, На меня, на атаманку, наговорено.

Что хотите, говорите – будет все по-моему, А твои штаны в полоску оболью помоями!..

– То есть?.. – пробормотал ошалевший председатель. – В смысле? Это не радио…

Возле участка Васина стоял белоснежный «Мерседес». За забором на ошкуренных бревнах восседала не очень молодая красавица. Она пела, простирая роскошные руки к Петру Ивановичу. Тот стоял перед ней со стаканом желтого питья. Ах тын-перетын, Перетыннина, Любовь, как огонь, Перекинется!

Красавица закончила свою партию. Петр Иванович плесканул граненой бутылки в ее стакан, они чокнулись, выпили и поцеловались. И только тогда она небрежно заметила:

– Петя, к тебе гости.

Петр Иванович обернулся.

– Заходи, мужики. Сватья моя – Ирина Васильевна Мерцалова.

3

…И зря он сомневался насчет экипировки. Встречающие – в основном, мужики – все были в черных костюмах, в шляпах. Только у евреев шляпы черные, а у Петра Ивановича – беж. И рубашки у них почему-то без галстуков. Зато волосня какая-то по бокам. Может, это пейсы и есть? Скорей всего. А у некоторых еще – под пиджаков бахрома белая вылазит… Так. А кто ж меня встречает?.. Должны с плакатом…

– Васина кто встречает?! – гаркнул он.

Из толпы выпростался запыхавшийся лысый бородатый мужик лет сорока пяти в толстых очках. На груди у него висела табличка: «Встречаю Васина Петра Ивановича». Петр Иванович никогда еще не видел свою фамилию, написанную такими большими буквами.

– С приездом, Петр Иванович! – Лысый без разговоров перехватил у него чемодан с электричеством и, к немалому удивлению Петра Ивановича, не помер тут же на месте. Похилился малость, но попер без особой натуги.

– Может, тележку взять? – предложил Петр Иванович.

– У меня машина рядом, метров триста.

«Дает еврей!» – улыбнулся Петр Иванович, и настроение у него пошло на поправку. Он кивнул на окружающую среду:

– Тель-Авив?

– Он самый. Не люблю, Жлобский город. На Бескудниково похоже. Иерусалим увидите, это да!

В зарубежной машине, иномарке, сидела баба, помоложе лысого, но тоже в очках, правда, не таких толстых. Малость вислоносая.

– Алка, жена моя, – сказал лысый и только сунул гостю вялую руку. – Миша. По-здешнему, Моше. Так ведь и она по-тутошнему не Алка…

– А чего, Алла – очень красивое имя, – сказал Петр Иванович, загружая чемоданы в багажник. – Вот Пугачева Алла Борисовна…

– Петр Иванович, – перебил гостя лысый, – тут вот какие у нас осложнения, не знаю, говорила вам Ирина Васильевна, Наум бен Арон, ну, в смысле Наум Аронович, он… болен. Сейчас ему хуже, положили в больницу. Остановитесь пока у нас, потом разберемся. Алка, падла невеселая моя, врубай, поехали! Кушать хочется.

Алка устало улыбнулась. Петр Иванович сразу просек, что балабона своего она любит.

– Курить можно?

– У нас все можно. Алка, включи мазган. Он же кондици

– А разве жарко? – искренне удивился Петр Иванович Алка взглянула на него с такой страдальческой завистью что ему стало неловко: – Припекает вообще-то… Как в Сочах.

– Мишке вот жара хоть бы что, – вздохнула Алка, выруливая на шоссе.

– А я помираю. С мая по сентябрь ни одного дождя.

– Полукровка, одно слово. Лучше скажи, пожрать приготовила? Алкоголь есть в доме?.. Молчит, зараза. Значит пусто.

Петр Иванович деликатно перевел тему.

– Природа здесь как в Крыму непосредственно?..

– Какое! Там рай! Алка сама Ялты кстати, я ее там на пляже отловил…

– Ну вот же – вроде пальмы?..

– Так не росло ж ничего! Посадили. Ничего не было – каменная пустыня… На севере в Галилее получше, Алка, ты мне не ответила на поставленный вопрос: есть в доме жрачка с питьем или нет?

– Я ж сутки дежурила, – уныло отозвалась Алка. – Но отвлекай меня, а то врежусь. Я работаю, понимаешь?

– Она работает, а я?

– Тоже мне работа!.. Сидит до двух в университете, с девками треплется!..

– Это – да, – скромно подтвердил Мишка, кивая лысой головой. – Очень девок люблю. И они меня, отдать должное, тоже.

– С такой-то лысиной? – усмехнулась Алка.

– Борода компенсирует. И вообще: укороти метлу, женщина, следи за базаром.

Петр Иванович приятно оторопел, уж больно лексикон знакомый. И вопросительно взглянул на Алку.

– Да не сидел он, не сидел! – засмеялась она. – Он просто книгу пишет по бандитскому языку, по жаргону.

– И, между прочим, спецкурс веду в Иерусалимском университете, прошу не забывать.

– А кому ж ты его ведешь, этот курс? – поинтересовался Петр Иванович, само собой перейдя на «ты».

– Студентам-славистам. Они русский язык всесторонне знать должны. Алка, у нас газета есть? Когда сегодня звезда взойдет?

Алка достала бардачка газету и, не оборачиваясь, протянула мужу. Мишка зашуршал бумагой.

– Та-ак… можно не спешить. Звезда сегодня в семнадцать тридцать две. А сейчас семнадцать тридцать семь. Всё! Спасибо тебе, золотушница моя. Поясняю гостю наши туземные порядки. Вы, Петр Иванович, попали в гости к мудакам. До завтрашнего вечера все магазины закрыты. Алка, тормози у танка, я тебя убью, ты будешь моей прошедшей женой.

Действительно, на каменистом откосе, поросшем колючим кустарником, стоял крашенный суриком допотопный броневик. Рядом на камне была табличка. Алка останавливаться, разумеется, не стала.

– Памятник войне сорок восьмого года, – сказал Мишка.

– Кто победил? – поинтересовался Петр Иванович.

Мишка на секунду примолк, внимательно разглядывая гостя в зеркало заднего вида. – Как кто? – стараясь погасить в себе удивление, ответил он.

– Евреи, конечно. Арабы воевать не умеют.

– Ну, не скажи-и… Я на Кавказе служил, там грузины…

– Так то грузины, – перебил Мишка, – а здесь – арапы. Кстати, о грузинах. Вот Иосиф Виссарионович умный был человек, а дурак. В сорок восьмом году своей собственной рукой органовал государство Израиль. Вернее, не запретил, не наложил вето. Хотя евреев, как вестно, люто ненавидел. Уверен был, что разреши Израилю сегодня возникнуть, завтра коалиция арабских стран объявит Израилю войну и сметет его с лица земли до основанья, а затем… А перед всем миром Ёся, значит, будет интернационалист и миротворец. Не вышел фокус. Евреи размолотили арабов за себя и за того парня…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.